

РЕЦЕНЗИИ

М. М. Соколов

К ТЕОРИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ ЭТНИЧНОСТИ*

Книга Виктора Воронкова, Ингрид Освальд и их коллег из Центра независимых социальных исследований «Конструирование этничности: этнические общины Санкт-Петербурга» представляет один из самых значительных исследовательских проектов в современной отечественной этносоциологии. Это — едва ли не первая из попыток описать, как и почему происходит «этническое Возрождение» в крупном российском индустриальном городе. И, безусловно, первая, исполненная на таком концептуальном и методическом уровне.

Проект, по результатам которого написано «Конструирование...», задумывался как серия case-studies — полевых исследований отдельных организаций, представляющих этнические общины города. Главным предметом, однако, были не организационные структуры как таковые, а процесс воспроизведения в их рамках этничности. Как и почему люди идентифицируют себя с определенной «национальностью»? Какие последствия эта идентификация имеет для человека, разделяющего ее? Как создаются социальные сети, связывающие членов новых общностей? Каким образом проводятся границы между «своими» и «чужими», и как строятся отношения с теми и с другими? Заявив о себе как о немцах, армянах, поляках, татарах или эстонцах, эти люди тем самым противопоставили себя преимущественно русскому окружению — но как и зачем они это сделали?

Социологи из Центра пытались найти ответы на все эти вопросы, исследуя жизненные пути участников этнических организаций и их представления о группе, к которой они принадлежат, главным образом с помощью биографических интервью. В соответствии с этим книга состоит из семи статей: одной вводной (Виктор Воронков и Ингрид Освальд), и шести — посвященных отдельным этническим общинам города: татарской (Оксана Карпенко), немецкой (Ольга Бредникова), эстонской (Ольга Калачева), польской (Елена Чикадзе) и армянской (последней уделено два текста — Йоханнеса Ангермюллера, Ольги Бредниковой и Елены Чикадзе). Каждая из статей содержит краткое описание организации, к которой принадлежали респонденты, а затем — изложение и интерпретации материалов интервью с ними.

В рецензии не обсуждаются сведения по конкретным общинам — читателю, заинтересованному в них, безусловно, следует обратиться к книге. Вместо этого, здесь делаются некоторые критические замечания по поводу методов, использованных исследователями при сборе данных, а также по поводу логики интерпретации данных. Каждый новый шаг в такой сложной области социальных наук, как изучение этничности, дает новые поводы усомниться в ранее суще-

* **Конструирование этничности: Этнические общины Санкт-Петербурга** /Под ред. В. Воронкова и И. Освальд. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1998. 304 с. Тираж 500 экз.

ствовавших теориях — или, точнее, появление подобных сомнений и есть сам этот шаг. Исследования сотрудников Центра обнажают серьезные трудности, с которыми сталкивается теория и методология, используемая в данных исследованиях. Рассматривая эти трудности, мы открываем путь к построению более релевантных моделей.

В ответе на главный исходный вопрос — в какой области надо искать факторы, ответственные за возникновение этничности, — все авторы открыто выражают согласие с конструктивистской теорией этничности, более точно — с инструменталистским ее воплощением (напр., с. 11). Инструменталистская модель, представленная, например, Коэном, предполагает, что возникновение этнических групп должно интерпретироваться как проявление более глобального социального феномена — политического и экономического неравенства. (В противовес этому, создатели конкурирующих подходов, такие, как Митчелл или Гирц, подчеркивали значение культурной неодинаковости.) Этничность для инструменталистов — это групповая стратегия, с помощью которой обеспечивается доступ своих членов к ограниченным ресурсам, и затрудняется переход последних в руки не-членов. Логика исследования, предписываемая данной моделью, такова.

Исходным фактом является существование некоторого количества индивидов, причисляющих себя к определенной этнической категории. Далее исследователь может двигаться в одном из двух направлений:

а) определить, какие культурные символы используются для консолидации этой группы и выделения ее из этнического «фона»;

б) обнаружить выигрыши, которые эта стратегия обеспечивает для членов использующей ее группы.

Все статьи в сборнике организованы более-менее в соответствии с этой интерпретативной схемой. Однако опора на нее в данном исследовании вызывает два возражения.

Во-первых, можно констатировать несоответствие теории и методологии, на которые опирается исследование. Конкретнее, способ, которым делалась выборка, и интервьюирование, бывшее основным методом сбора информации, позволяют создать некоторое представление о переменных, вовлеченных в анализ, но не дают никаких гарантий валидности и надежности этих представлений, так же, как и валидности и надежности интерпретации, опирающейся на них.

Во-вторых, сама инструменталистская модель, которой строго придерживались все исследователи, плохо согласуется с полученными ими же данными. Косвенно признавая это, сами авторы иногда делают наблюдения, которые могли бы стать началом альтернативной теории конструирования этничности. Но эти замечания остаются репликами в сторону по ходу основного изложения, хотя именно они — самое интересное, что действительно есть в рецензируемой работе.

Рассмотрим эти замечания по порядку.

Первое возражение основывается на традиционной критике качественных исследований в целом, и биографического метода — в частности. Никакое интервью не может вместить чью-либо жизнь целиком. Никакое изложение биографии не свободно от редактирования, в ходе которого респондент стремится

рассказать все так, как, по его/ее мнению, это должно было бы происходить. Соответственно, интервьюер неизбежно находится в зависимости от представления своего собеседника о том, что имеет отношение к делу.

Это подводит нас к следующей проблеме: отсутствию в исследовании методов, которые позволили бы ответить на вопрос «почему?» в отношении возникновения этнической идентичности, который авторы задают себе (напр., с. 98). Действительно, само интервью, актуализирующее этническую установку, является стимулом к извлечению из памяти лишь той информации, которая релевантна с точки зрения повествователя (или, как он думает, с точки зрения общающегося с ним социолога). Иными словами, любое изложение биографии этничности опирается на некую этнотеорию (приставка «этно-» имеет здесь такой же смысл, как в «этноботанике» или «этнометодологии»), которой руководствуется носитель этой биографии. Исследователь же вынужден в ходе интерпретации принимать или не принимать трактовку событий собеседником, опираясь при этом на какую-то свою теорию, описывающую тот же круг явлений.

Так, ученые из ЦНСИ, ориентировавшиеся на инструменталистскую теорию этничности типа коэновской, легко принимали любые объяснения респондентов, если те указывали на материальные выгоды вроде получения гуманитарной помощи или поездок за границу в качестве причин подчеркивания ими или кем-либо еще своей этнической принадлежности. Но они же возмущенно отвергали всякие попытки объяснить возникновение своей идентичности с помощью ссылок на «зов крови», с некоторым сожалением констатируя, что собственные представления респондентов об этничности по большей части примордиалистские (с. 92, 209). То, что получилось в конечном счете, было своеобразным фильтратом, пропущенным через фреймы сначала «наивной» этносоциологической теории информантов, а потом — через фреймы «ненаивной» теории сотрудников Центра и их коллег из Германии. В результате возник набор объяснений, приемлемых с точки зрения обеих теорий. Не самый надежный результат, если учесть, что по поводу и той, и другой теории по отдельности и обеих вместе, могут быть высказаны большие сомнения, а возможностей для их аккомодации стороны не имели (в случае с респондентами) или не пожелали иметь (в случае с социологами).

Пример из книги — история Асты, приводимая в статье Ольги Калачевой, посвященной эстонской общине (с. 166–168). Аста, обычная ленинградская школьница, считалась дочерью русских родителей, но, тем не менее, никогда сама себя не чувствовала русской. В возрасте примерно 14 лет Аста «ни с того ни с сего стала вдруг интересоваться Эстонией», посещала культурное общество и даже пробовала сама выучить язык. Через несколько лет она неожиданно узнала, что ее настоящий отец был эстонцем (вся эта история похожа на примордиалистский святочный рассказ). Это позволило ей легитимировать свою «эстонскость», поскольку кровное происхождение — один из основных элементов этнического кода. Позднее, выучив язык и сменив фамилию на фамилию отца и национальность в паспорте с «русской» на «эстонку», она добилась того, что все окружающие признали ее таковой.

Эта история рассматривается приводящим ее социологом как пример конструирования этничности, хотя, как мы видим, в действительности Аста конст-

руировала презентацию себя, которая превратила бы ее в полноценную эстонку в глазах опирающихся на формальные признаки организаций — рациональное обоснование для своей уже состоявшейся идентичности. Сама она предполагала, что к эстонцам ее влекло унаследованное от предков чувство, но Калачева, по понятным причинам, не разделяла этого мнения. Поскольку никаких альтернативных интерпретаций внезапного намерения присоединиться к иной этнической группе из материала интервью извлечь не удалось, действительные причины, заставившие девушку увидеть «своих» среди тех, кто должен был казаться «чужими», остаются за кадром. Зато и Аста, и Ольга Калачева согласны с тем, что паспортная национальность родителей, владение языком и особенности экспрессивного поведения важны для того, чтобы быть признанной эстонкой другими. Соответственно, эти аспекты конструирования этничности отражены в статье.

Понятно, что полученная таким образом интерпретация не может быть полнее, чем собственные концепции информанта относительно природы его этнической идентичности. В то же время, авторы сами видят все основания усомниться в том, что эти концепции достаточно хорошо отражают суть происходящего. Так, они с ходу отбрасывают все этнотеории, которые кажутся им «примордиалистскими». Но почему именно эти и только эти, а не все вообще?

Несомненно, исследователи хорошо осведомлены о том, что анализ, основанный на интерпретации самоотчетов, всегда рискует выродиться в их тенденциозный пересказ. По крайней мере, в одной из статей Ольга Бредникова, признавая проблематичность вербализации этнических ориентаций, видит выход в опоре на антропологическую полевую работу (с. 97–98). Ее текст содержит многочисленные ссылки на данные включенного наблюдения, безусловно, поднимающие ее на гораздо более высокий уровень. Но основным методом все равно остается интервьюирование и анализ полученного таким образом дискурса (с. 127), со всеми перечисленными недостатками.

Проводящий качественные исследования социолог постоянно стоит перед искушением увидеть в собранных данных именно то, что он предрасположен видеть, и не заметить все остальное. Так, если бы те же интервью интерпретировал ученый, считающий, что этническая принадлежность — это свойство, передающееся генетическим путем, можно не сомневаться, что и он смог бы извлечь из них ровно столько же иллюстраций для своих взглядов. Была ли команда сотрудников ЦНСИ настолько скована авторитетом классической теории, чтобы не обращать внимания на факты, плохо вписывающиеся в нее?

Ответ, судя по всему, звучит как «да и нет». С одной стороны, святость инструменталистской теории этничности прямо не ставилась под сомнение. С другой стороны, все тексты насыщены интерпретациями, которые очень далеки от того, что предполагает эта концепция. С одной стороны, все авторы ориентировались на жесткий формат конструктивистской интерпретации, который был задан Коэном, Бартом и Андерсоном (с обязательных ссылок на эти имена начинаются почти все статьи). С другой стороны, вне этого формата, они предлагали собственные объяснения происходящему, опирающиеся на совершенно другую теорию этничности (или, более точно, закладывающие основания такой теории), значительно лучше описывающую собранные данные. Характерно, что в этих фрагментах содержались ссылки на другие авторитеты, вернее, на дру-

гой авторитет — Леонида Ионина и его версию социологии культуры (с. 103 — 104, 120, 182). Хотя эти взгляды нигде напрямую не противопоставляются друг другу, скрыто они конкурируют почти во всех статьях. Читатель не может не заметить, что интерпретации причин и свойств процесса этнического возрождения, следующие из классического инструментализма типа коэновского и из концепций кризиса идентификаций и культурных инсценировок, — это довольно-таки разные вещи. Рассмотрим, насколько объяснения, предлагаемые каждой из теорий, удовлетворительны в случае с этническими общинами Петербурга.

Первое, в чем инструменталистская теория плохо согласуется с данными, представленными в «Конструировании этничности», касается присутствующих в ней определений этничности как стратегии коллективного действия. Это значит, что манипуляция культурными символами, с помощью которой группы проводят границы между собой, предполагает как минимум существование подобных групп — в качестве актуальных общностей людей, связанных социальными сетями и разделяемыми интересами.

Даже первое знакомство со сведениями, так тщательно собранными исследователями из Центра, показывает, что ничего подобного в Петербурге не наблюдается: описанные общины не существовали в советский период в виде латентных групп, которым надо было бы только очертить свои (реально существующие) границы с помощью культурных символов, чтобы превратиться в этнические. В действительности, руководители организаций, осуществляющих этническую мобилизацию, стоят перед необходимостью конструирования социальных сетей в той же степени, что и перед задачей определения составляющих дискурсивной этничности.

Почти все изложенные биографии подразумевают, что осознание своей принадлежности к одной из таких групп предшествует завязыванию связей с широким кругом ее представителей, а не вытекает из нее. Единственным исключением можно было бы считать «клановых» татар, описанных Оксаной Карпенко, на протяжении всего советского периода сохранявших разветвленные сети контактов. Однако и в татарской общине имеются многочисленные «не-клановые», «новые» татары. Собственно, как неоднократно указывают сами авторы, многие обладающие этнической идентификацией и не стремятся к контактам подобного рода. Иными словами, можно усомниться в том, что этничность играет в Петербурге 90-х роль коллективной, а не индивидуальной стратегии адаптации. Какими бы не были ресурсы, завоевываемые и удерживаемые с ее помощью, эти ресурсы используются в одиночку.

Что могут собой представлять эти ресурсы? Классическая инструменталистская теория видит в них прежде всего то, что дает экономические и политические преимущества. Несмотря на усилия авторов, им не удается найти следов использования этнических общин в качестве неформальных организаций, обеспечивающих подобные преимущества для своих членов. Фактически, в текстах есть упоминания только о самых слабых попытках определить групповые политические интересы. Так, члены немецкого общества в исследовании Ольги Бредниковой иногда предаются размышлениям о том, как хорошо было бы восстановить свою территориальную автономию, но сами же признают, что эти мечты абсолютно нереальны (с. 110, 121). Именно в связи с этими попытками опреде-

лить политические интересы, вытекающие из новоприобретенной этнической идентичности (именно в таком порядке, а не в обратном), автор говорит о возрождении старых культурных форм как об «инсценировках» (с. 120–121).

Единственным реальным источником вознаграждений за этническую лояльность являются сами организации, представляющие общины и страны (Германия, Польша, Эстония), стоящие за ними. Помимо поездок и возможностей для продолжения образования, они обеспечивают своих членов еще и всеми теми ресурсами, которые черпаются из любых социальных сетей — связями, знакомствами, наконец, просто удовольствием от общения. Для обозначения привлекательности этих возможностей, Елена Чикадзе и Ольга Бредникова в своей статье по армянской общине ввели понятие «неаутентичной мотивации», в противовес «аутентичной», подразумевающей ничем не замутненный интерес к обозначению своей этнической принадлежности.

Как признается уже во вступительной главе, все исследованные организации очень невелики — число активных членов ни в одном случае не превышает нескольких сотен — и охватывают довольно незначительную долю людей, причисляющих себя к определенной «национальности». Таким образом, нет никаких оснований считать, что неаутентичная мотивация может служить объяснением для «этнического Возрождения». То, что подобные мотивы оказались существенны для довольно большого числа информантов, легко можно объяснить способом конструирования выборки, опиравшейся именно на членство в организациях. Но даже для них существование ресурсов, которыми вознаграждается участие в организации, не может считаться достаточным объяснением согласия играть этническую роль. Почему, в конце концов, они стали искать выгоды здесь, а не в каком-то другом месте — например, в политической партии или яхт-клубе, где тоже есть и общение, и шанс приобрести связи, а иногда даже возможности для обогащения?

Еще одно обстоятельство, которое, в отсутствие примордиальных социальных сетей или общих политических интересов, может в короткий срок привести к быстрому осознанию группой своей солидарности и отличия от других, — давление извне. Как гипотезу, можно было бы выдвинуть предположение о том, что возрождение важности этнической идентичности меньшинства было стимулировано аналогичным процессом у этнического большинства. Однако, хотя исследование не захватывало русских, нет данных, которые подтверждали бы эту версию. За исключением армян, страдающих от «кавказофобии», ни у одной из описанных групп нет значительного опыта дискриминации (репрессии, обрушившиеся на немцев, поляков и эстонцев при Сталине, не имели продолжения в последующий период существования СССР). Вслед за Ольгой Бредниковой, нам остается признать, что мы имеем дело с добровольной стигматизацией (с. 103).

Итак, что же остается от наших исходных инструменталистских допущений? Мы имеем дело с этническими группами, которые создаются их членами на основании представлений о том, какими эти группы должны быть. Мы видим попытки (не очень удачные) определить свои политические интересы — опять же, с опорой на какие-то представления о том, какие вообще бывают политические корреляты у этнических идентичностей. Эти «представления» кажутся первичными по отношению и к определению группы, и к поиску инте-

ресов, которые объединяли бы ее членов. Если книга в чем-то и убеждает — а она убеждает, — то это в том, что объяснение «этнического Возрождения» следовало бы искать в тех обстоятельствах, которые заставляют людей независимо друг от друга принимать такие представления, отдавая им предпочтения перед альтернативами.

Там, где авторы позволяют себе на время забыть о классической инструменталистской теории, они предлагают действительно интересные интерпретации подобных мировоззренческих решений. Одна из версий состоит в том, что членство в этнической группе является символическим ресурсом, и, пытаясь создать общность, подходящую под это определение, «этнически сознательные» жители Петербурга стремятся обеспечить себе доступ к нему (с. 66, 74, 202, 241). Заметим, что в этом предположении этничность является не средством завоевания контроля над ресурсами, а собственно ресурсом. К несчастью, в исследовании социологов из Центра независимых исследований нет данных, которые позволили бы проверить это предположение: остается неясным, действительно ли «этнический фон» разделяет этнополитическую идеологию, в которой преданность своему народу наделяет более высоким статусом. Это открывает, однако, совершенно новое направление для изучения.

Другое такое направление связано с гипотезой, наиболее ясно артикулированной в статьях Ольги Бредниковой и Йоханнеса Ангермюллера. Этническое возрождение связывается в них с дезидентификацией, наступившей после крушения советской идеологии, и потерей ориентации в социальном мире, которые это крушение повлекли за собой. Ссылаясь на Ионина, Ольга Бредникова предполагает, что именно этим объясняется повышение роли аскриптивных характеристик, к которым относится и этничность (с. 103). Культурная форма, построенная на этнической модели ориентации, предлагает ясную и недвусмысленную замену утерянному. Однако освоение такой формы происходит не сразу, а начинается с игровой имитации внешне присущих ей атрибутов, которое затем сменяется ассимиляцией лежащего более глубоко культурного кода (еще одна ссылка на Ионина). Именно это мы и наблюдаем в этнических общинах, руками активистов пытающихся воплотить идеальный образ «нации» (с. 120).

Почему именно эта культурная форма? Почему именно эти люди? Теория постсоветской этничности должна будет ответить на эти вопросы. Авторы «Конструирования...» не предложили такой теории в явном виде. Более того, они как будто даже предпочли сами не заметить тех шагов, которые сделали к ее созданию, признавая в конце верность тем же теоретическим ориентациям, что и в начале. Тем не менее, эти шаги вполне реальны: следующие поколения исследователей будут лучше знать, в какую сторону и как следует двигаться. И, что не менее важно, в какую и как — нет. Если «Конструирование этничности» убеждает в том, что инструменталистская теория — это не та сторона, а биографические интервью — не совсем тот метод, то данный вклад в дискуссию надо признать в высшей степени ценным.